

Митрополит Волоколамский Иларион. «Богословие красоты». Доклад на международной научной конференции «Судьбы прекрасного: красота с позиций гуманитарных наук»

Одного просил я у Господа, того только ищю, чтобы...

созерцать красоту Господню... (Пс. 26:4).

Красота — одно из центральных понятий не только философской и эстетической мысли, но и богословия. Однако для простого обывателя разговор о красоте может показаться разговором о чем-то лишнем, не необходимом или даже пустом. Ведь красота — это то, без чего теоретически можно обойтись. Есть вещи действительно необходимые человеку. К их числу можно отнести пищу, кров, одежду, без которых не выживешь ни в трудные годы лихолетий, ни в мирное время. Все это имеет мало общего с красотой.

В начале тридцатых годов XX века в большевистской России эстетическая мысль, основанная на марксизме, вообще не поднимала по существу проблемы красоты и даже отрицала ее. В журнале «Пролетарская литература» писатели-идеологи молодого советского государства утверждали: «Наша нормативная марксистская эстетика отрицает и объективные и субъективные критерии красоты, ибо она... против красоты вообще»[1].

Тем не менее, и в советское время находились люди, такие же голодные, больные и обездоленные, как и большинство соотечественников, которые тратили свои силы и саму жизнь, чтобы спасти прекрасные, но с точки зрения некоторых «бесполезные» вещи — ту самую красоту. Сотрудники музеев, искусствоведы, историки, музыканты, литераторы... Быть может, именно эти самоотверженные люди повлияли на пересмотр отношения к красоте в Советском Союзе в середине 1950-х годов, когда были затронуты вопросы эстетического мироотношения. И хотя все участники поднятой тогда дискуссии уверяли, что они следуют принципам марксистско-ленинской философии и эстетики, их трактовка красоты была на удивление различной. Одни[2] утверждали, что красота как изначально природное свойство существовала и до человеческого общества. Другие[3] рассматривали красоту как социокультурное явление, выражающее в конкретно-

чувственной форме утверждение человека в мире, меру свободы его и общества. Третьи[4] определяли красоту как «отраженную в сознании закономерность определенного качества» или как соответствие «реальности и идеала». С начала 1960-х годов предпринимались попытки осмыслить красоту в аксиологическом аспекте, представить ее как эстетическую ценность, показать ее взаимосвязи с другими эстетическими категориями, выявить своеобразие красоты в искусстве, особенности ее субъективного восприятия и переживания.

А в 70-е и 80-е годы философы и богословы стали говорить о религиозных истинах, прикрываясь эстетическими категориями. Вспомним знаменитую многотомную «Историю античной эстетики» А.Ф. Лосева, которая по сути была историей античной философской и религиозной мысли. Вспомним труды С.С. Аверинцева и В.В. Бычкова, посвященные эстетике, но раскрывающие мир запретной тогда святоотеческой мысли. Появление

этих книг было событием для многих верующих и думающих людей.

Все эти попытки осмысления красоты опирались лишь на один и тот же эмпирический опыт — человек, однажды уязвленный красотой, уже никогда не сможет без нее жить. И дело здесь не только в том, что красота примиряет нас с жизнью. Переживание прекрасного, постижение красоты — это опыт скорее мистический, он выводит человека за пределы его самого, ставит его лицом к лицу с чем-то великим, непостижимым, и вместе с тем удивительно радостным, близким, желанным.

Глядя на эволюцию отношения к красоте в советском государстве можно сказать, что изначальное ее отрицание более соответствовало господствующему атеизму. Потому советская идеология не допускала какие-либо разговоры о красоте, боялась обратить внимание на нее, дать возможность формулировать ее определения. Ведь именно размышления о ней заставляли людей неравнодушных к прекрасному искать ответы на закрытые тогда мировоззренческие вопросы. Преподобный Макарий Египетский пишет, что человек, уязвленный любовью к Красоте, «связан и упоен ею, погружен и отведен пленником в иной мир»[5]. Ничто так не будит душу, как внимание к прекрасному.

В христианстве Красота — одно из имен Божиих. Бог — Прекрасен Сам по Себе, и Он же является источником подлинной красоты. Вот лишь несколько свидетельств о Боге как Красоте из святоотеческого наследия. Например, удивительный гимн Красоте блаженного Августина: «Поздно возлюбил я Тебя, истинная Красота... Ты был во мне, я же был вовне. Я искал Тебя во внешнем, позоря соразмерное творение Твое своим безобразием. Ты был со мной, я же — без Тебя... Ты позвал, и крик Твой прорезал глухоту мою; Ты сверкнул, и Твой блеск отогнал слепоту; пролилось благоухание Твое, и вот уже я задыхаюсь без Тебя; я отведал Тебя, и теперь я алчу и

жажду; Ты прикоснулся ко мне, и зажглась во мне любовь»[6]. Святитель Григорий Нисский говорит: «Что может быть любезней образа нетленной Красоты»[7]. Святитель Григорий Богослов поясняет, что «красота является сущностным атрибутом Бога»[8], а святитель Кирилл Александрийский указывает, что красота Бога надмирна, и человек воссоздан в этой троической красоте[9], которую, согласно преподобному Максиму Исповеднику, предназначен в конечном итоге разделить с Самим Богом[10]. Для святителя Кирилла Туровского[11], как и для преподобного Нила Сорского[12] высшей красотой наделен только Бог. «Хор святоотеческих голосов» подытоживает Дионисий Ареопагит: «Бога святые восхваляют как Прекрасное, как Красоту... Все сущее, — пишет далее Дионисий, — возникая из Прекрасного и Добра, пребывая в Прекрасном и Добре, возвращается в Прекрасное и Добро. И все, что существует и появляется, существует и появляется благодаря Прекрасному и Добру»[13].

Добро и красота по мысли Дионисия тождественны. Это тождество, впрочем, подтверждает аскетический опыт преподобных отцов и подвижников благочестия, накопленный за всю историю существования христианства. Собрания самых авторитетных в Церкви аскетических творений святых отцов уже в древности получали наименование «Филокалии» (любовь к красоте). Так например, святитель Василий Великий озаглавил словом «Филокалия» катены из Оригена. Но наиболее известная «Филокалия» — сборник произведений православных подвижников, созданный на Афоне в XVIII веке[14]. Он был переведен на русский язык с названием «Добротолюбие». «Словом “Добротолюбие”, — говорит святитель Феофан Вышенский во вступлении к своему переводу, — переведено греческое название “Филокалия”, которое означает “любовь к прекрасному, возвышенному, доброму”»[15].

Однако красота тождественна не только добру. Настоящей красоте также можно и должно верить. Она удостоверяет. Вот, например, как это сформулировал русский ученый, философ и священник Павел Флоренский, анализируя знаменитую рублевскую «Троицу»: «Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках: примерно оно может быть построено умозаключением: есть “Троица” Рублева, следовательно, есть Бог»[16]. Красота идентична истине, является ее критерием, ее составной частью. Вспомним также об эпизоде «испытания вер» в «Повести временных лет», где последним и решающим аргументом для князя Владимира в выборе веры стала «красота церковная»: «Не знаем — на небе ли были мы или на земле, ибо нет на земле такого вида и такой красоты, и мы не знаем, как рассказать об этом, только знаем, что там Бог с человеками пребывает и богослужение их лучше, чем во всех иных странах. Мы же не можем забыть красоты той»[17]. Эта аргументация воспринимается как самая убеждающая. «Бог с человеками пребывает» там, где есть красота, наличие которой и свидетельствует об этом «пребывании». Красота является доказательством. Согласно младшему современнику князя Владимира святителю Илариону Киевскому, только Истина наделяется красотой[18].

Поэтому и церковная музыка, и архитектура, и иконопись всегда стремились быть на самом высоком культурном уровне. Это было и остается для Церкви делом принципа. Прекрасный церковный хор, стройность и красота богослужения, изысканность архитектуры — это лучшие формы проповеди, которые когда-либо знала Церковь. И это не интерес корысти, показатель достатка или пустой роскоши, а самая соль христианского мироощущения.

Именно потому, что от надежности, доброкачественности красоты зависит невероятно много, к ней предъявляются исключительно строгие требования. Красота, которая хочет быть удостоверением истины, не может не быть к себе суровой. Вспомним Ф. М. Достоевского и его роман «Подросток». Главный герой подслушивает у странника Макара Ивановича, человека из народа, глубоко поразившее его старинное слово «благообразие», выражающее идею красоты как святости и святости как красоты — красоты строгой, представляющей твердый ориентир для подвижничества. «Истинная красота познается не по внешнему виду, а по нравам и пристойному поведению», — восклицает святитель Иоанн Златоуст[19].

Красота и подвижничество очень тесно связаны между собой в русской народной психологии. Академик С. С. Аверинцев заметил, что «классическая русская литература смертельно боится эстетического “баловства”»: Гоголь сжег свою рукопись, Лев Толстой пытался отречься от художника в самом себе, только бы остаться искателем и учителем истины, — этому не сыщешь параллели в истории других литератур»[20].

Сегодня мы живем в мире, где понятия «добро» и «красота» разошлись между собой. «Добро» остается категорией этики, красота же превратилась в отвлеченную эстетику, а затем и полностью была дискредитирована современным секулярным обществом. Красота превращается в прелесть, т.е. в ложь. Отрыв эстетических идеалов от этической основы заводит в тупик современные поиски прекрасного. Эстетика рынка — вот основной удел нашей эпохи. Невиданное падение общественной нравственности, обилие соблазнов, расколотость и одиночество современного человека, его полное погружение в сферу развлечений — действительно серьезные препятствия к умению увидеть, почувствовать истинную красоту. Утрата ценностных ориентиров приводит в конечном итоге к забвению самого Источника красоты.

Преподобный Исаак Сирин нас предупреждает, что «душа видит Красоту по силе своего жития»[21]. «Основание красоты, — замечает В.Ф. Одоевский, — не в природе, но в духе человеческом»[22]. Человек, равнодушный к прекрасному, никогда не поймет сияющую красоту Евангелия.

По словам Н.А. Бердяева, в красоте нужно жить, чтобы ее узнать[23]. Узнав же ее, каждый из нас

приобщается величайшей радости, ради которой Господь и сотворил человека[24]. «Когда человек чувствует себя в мире как в едином, прекрасном целом, когда чувство внутренней гармонии приводит его в чистое, свободное восхищение, — пишет И. В. Гете, — в эти минуты вся вселенная, если бы она могла сознавать себя, — удивилась бы и возрадовалась высочайшей цели бытия своего. Ибо к чему служит все это великолепие солнца, планет и звезд, этих рождающихся и исчезающих миров, если наконец счастливый человек безотчетно не станет радоваться бытию своему?»[25]

Вот истинный смысл бытия человека, вот его подлинное призвание — всей полнотой своего существа приобщиться подлинной Радости, стать причастником истинной Красоты. Познание, как утверждал Аристотель[26], начинается с удивления. Так нередко и познание Бога начинается с удивления красоте Божественного творения, а венцом этого познания является святость, которая открывает в человеке его собственные тайники богообразной красоты и являет красоту других людей, сокрытую даже от них самих, так как «сияние красоты добродетелей в человеке пробуждает то же самое удивление и изумление, что и слава Небес»[27].

[1] 1931. № 4. С. 148.

[2] Так называемые «природники»: Н. А. Дмитриева, Г. Н. Поспелов и др.

[3] Так называемые «общественники»: Л. Н. Столович, Ю. Б. Борев и др.

[4] Странники так называемой «объективно-субъективной концепции»: А. И. Буров, М. С. Каган и др.

[5] Прп. Макарий Египетский. Добротолюбие. Т. 1.

[6] Блж. Августин. Творения. Т. 1. Об истинной религии. СПб., 1998.

[7] Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1861: Изъяснение Песни песней Соломона, 12. См. также его же: Против Евномия, I, PG, t. 44, col. 636.

[8] Свт. Григорий Богослов. Слово 30 (о богословии 4), §20, PG., t. 36, col. 129.

[9] Свт. Кирилл Александрийский. Диалог о Св. Троице, 4.

[10] Прп. Максим Исповедник. PG, t. 91, col. 1038.

[11] Свт. Кирилл Туровский. Поучения. Киев, 1880.

- [12] Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882. См. также: Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 29. Вопросы истории русской средневековой литературы. Л., 1974.
- [13] Дионисий Ареопагит. О Божественных именах 4, 7, 10.
- [14] «Филокалия» — сб. издан на греческом языке в 1792 году в Венеции и на славянском (в переводе схиархимандрита Паисия Величковского) — в Москве в 1793–1794 гг. под названием «Добротолюбие». Пятитомное издание было осуществлено в XIX веке в переводе на современный русский язык свт. Феофаном Затворником (4-е изд., 1905 г.).
- [15] Добротолюбие. Изд. 4-е. Т. 1. М., 1905.
- [16] Флоренский П., свящ. Иконостас. М., 1994. С. 67.
- [17] Повесть временных лет // «За землю Русскую!» М., 1981.
- [18] Свт. Иларион Киевский. Слово о законе и благодати.
- [19] Свт. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1906. Т. 12. Кн. 2. Слово 14: «О женщинах и красоте».
- [20] Аверинцев С. Красота как святость // Курьер ЮНЕСКО, 1988, № 7.
- [21] Прп. Исаак Сирий. Слова подвижнические, 30.
- [22] Одоевский В. Ф. Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке // Шевырев С. П. Разговор о возможности найти единый закон для изящного // Московский вестник. Ч. 1. 1827. С. 50.
- [23] Бердяев Н. А. Смысл творчества. Париж, 1985.
- [24] Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры.
- [25] Гёте И. В. Винкельман и его время (Winckelmann und sein Jahrhundert) // Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1980. Т. 10.

[26] Аристотель. «Метафизика». М.-Л., 1934.

[27] Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. Кн. 2.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/54304/>